

Жизнь, опаленная войной

Несколько лет студенты Могилевского государственного университета продовольствия под руководством доктора социологических наук, профессора, заведующего кафедрой гуманитарных дисциплин вуза Юрия Бубнова собирали воспоминания тех, кто пережил войну, кто видел ее собственными глазами. И не только на полях боев, но и в тылу, в оккупации, на годы которой пришлось их детство. Чтобы никто и никогда не забывал. Чтобы всегда помнили...

«Вскоре в деревню пришли немцы»

Родился я в деревне Большой Осов Краснопольского района Могилевской области в обычной крестьянской семье. Отец часто ездил подрабатывать шахтером в Донецк. Семья была дружной, работающей. После окончания школы собирался поступить в школу фабрично-заводского обучения.

Но все планы оборвала война. Мне шел восемнадцатый год. В первые дни войны отец ушел на фронт. А родной дядя Корней Кирков организовал партизанский отряд, состоящий тогда из 12 человек коммунистов-добровольцев.

Вскоре в деревню пришли немцы. И начались страшные будни. Немцы согнали всех жителей деревни на площадь. Отбирали для расстрела людей, похожих на евреев, коммунистов, комсомольцев, партизан. Их построили у стены сарая. И вдруг один из них, бывший председатель колхоза Репнев, заговорил на немецком языке. Затем распорол голенище сапога и достал какой-то документ. Немцы, прочитав, тут же повели его к командирам. Я догадался, что это был немецкий шпион, который много лет жил как советский гражданин. Вскоре он стал начальником карательного отряда. Следом за ним подалась в полицию и некоторые из односельчан. «А ведь вроде хорошие люди были, никто бы и не подумал, что они на такое способны... Один из таких «хороших людей» убил дядину жену Анну Пе-

тровну Киркову за то, что ее муж был партизаном. Он выстрелил в убегающую женщину, а потом догнал и добил. А жену командира соседнего отряда Вечеркова постигла еще более страшная участь: ее «хорошие люди» привязали за ноги к лошадям и таскали по корням...

Я тоже ушел в партизаны. Был связным. Хотел было пойти добровольцем на фронт, но дядя не разрешил, сказал, что здесь мы нужнее. Я держал связь с подпольщиками, передавал сведения, продукты партизанам, но самым опасным было перевозить радиостанцию. Ее забрасывали сеном, а на пропускном пункте всегда был «свой» полицейский. До сих пор помню свой пароль — «дуб—береза». Приходилось перевозить оружие, однажды под сеном провез пулемет «Максим». Это было очень страшно... Тогда...

Однажды связная из соседнего партизанского отряда возвращалась с заданием и наткнулась на немцев. Она бросилась убежать и примкнула к группе женщин, ворошивших сено. Но знакомый полицейский

«Кричи, плачь, но ничего не говори...»

Я родился в 1937 году в деревне Горщевщина Толочинского района Витебской области. Когда началась война, мне было 3,5 года, но я хорошо помню общую атмосферу тревоги и напряженного ожидания чего-то плохого.

Через некоторое время пришли немцы. Продовольственные реквизиции проводились в нашей деревне, как и в других белорусских деревнях, регулярно. Постепенно живность из крестьянских домов исчезала: переставали кудахтать куры, петь по утрам петухи, но быстрее всего прекратилось свиньячье хрюканье.

Немцы вообще хватили все, что могли найти. Поэтому крестьяне придумали определенную тактику поведения. Детей сразу укладывали в постель, намазывали какой-нибудь гадостью (соком разных растений) и при появлении непрошенных гостей хозяйка начинала выкрикивать: «Тиф, тиф!» Они это слово хорошо знали, боялись его, обыск проводили быстро и поверхностно.

Однажды нагрянули немцы, я прыгнул в кровать, как обычно, а мама схватила последнюю курицу и сунула мне под одеяло. Пока шел традиционный разговор в духе: «Матка! Млеко, яйко, шнапс!» — «Тиф! Тиф!» — я тщательно зажимал курице клюв, чтобы она не закудахтала. Когда немец ушел, я отдернул одеяло и аккуратно поставил курицу на пол. Она сделала пару неровных шажков и рухнула. Началась паника. Мама бросилась отпихивать ее водой, и, к общему удивлению, это помогло — курица задышала, потом и встала на ноги. Впрочем, ее удивительно удачливая судьба все равно однажды дала осечку: увидев очередного фашиста, она бросилась бежать и погибла от разрывной пули. Немцам было очень весело, когда нашу последнюю пеструшку разнесли на мелкие кусочки по всему огороду, и облако из перьев и пуха долго опускалось на невспаханную землю...

...Мама была связана с Оршанским подпольем и партизанами. Однажды она даже переправляла винтовки, собранные подпольщиками на местах боев в 1941 году, в лес к партизанам. Оружие она перевозила на конной повозке с двойным дном. Она иногда вспоминала, как ей было страшно, когда на постах ее повозку обыскивали. И вот однажды летом, когда дома оставались только мы с братом, я увидел повозку с двумя немцами и полицаем. Мне тогда было 5 лет, брату — 10. Он сказал: «Кричи, плачь, но ничего не говори». Вошли немцы, начали обыск. Потом поставили нас рядом, тыкали нам в животы стволами винтовок и начали орать, передергивая затворы. Мы с Колей кричали от страха на всю деревню. Не знаю, что бы было дальше, но вдруг на пороге появился наш сосед Семен Шапидо. Он был безногим инвалидом. Замахнувшись на немцев костылем, он начал ругать их матом, а полиция даже стукнул разок по спине. Мне запомнилось, как немцы и полиция, согнувшись (дверь у нас была невысокая), повыскакивали в сени. Мы с братом удивились, ведь немцы были вооружены и могли запросто убить соседа, а почему-то победил костыль дяди Семена. Немцы с полицаем сели на повозку и уехали...

...26 июня 1944 года был ясный солнечный день, но мы сидели в погребке, так как боялись отступающих немцев. Вдруг наверху раздались крики: «Наши! Наши!» Все выскочили из погреба. Где-то ухали орудийные выстрелы. Нас, детей, взрослые загнали обратно в погреб. Когда стало тихо, мы снова вышли на улицу и увидели, что горит деревня Присмаки. Кто-то сказал, что три наших танка двигались по дороге от Смольян на Аленовичи и по ним ударила немецкая пушка из Присмак. Танки открыли ответный огонь, в результате несколько домов в деревне сгорели. На следующий день через нашу деревню шли одна за другой колонны советских танков.

(Из воспоминаний Петра Васильевича Воршеня.)

Олады из мороженой картошки

Мои родители — Лаврентий Петрович и Ольга Иосифовна Чесноковы — перед войной жили в деревне Кургановка Пропойского, ныне Славгородского, района Могилевской области. В семье было четверо детей: Зоя 1929 года рождения, Николай — 1931, Лида — 1933 и я — 1935.

Отец работал строителем, а мать трудилась в колхозе. Деревня наша, с длинной и широкой улицей, располагалась в живописном месте, между двумя дорогами — шоссе и шляхом, как тогда их называли. Накануне войны родители купили дом в Пропойске, и мы всей семьей переехали туда. Жили мы счастливо. Однако вскоре началась война, а вместе с ней закончилась и наша хорошая жизнь. Отца мобилизовали на фронт, а нас с матерью и другие семьи забрали в лес партизаны. Жили в землянках, порой голодали. Очень страшно было слышать гул пролетающих над лесом груженных немецких бомбардировщиков и звук разрывающихся вдали снарядов. Эти звуки войны на всю жизнь остались в моей памяти.

Вместе с нами в землянке жила мамина сестра из Украины с грудным сынишкой и трехлетней дочерью Аллой. Жители близлежащих деревень помогали нам продуктами, одеждой, обувью, так как, впопыхах уезжая из дому на телегах, мы с собой практически ничего не взяли. Благодаря им мы, собственно говоря, и выжили. Когда немцы пошли на восток, мы вернулись в оккупированный город и обнаружили, что дом наш разбомбили. Семья осталась ни с чем. Поселились мы снова в Кургановке, в крохотном домике, где раньше проживала ев-

рейская семья, в первые дни войны расстрелянная немцами. Жизнь в деревне была очень беспокойной. Ночью партизаны минировали дорогу, которая вела на Москву. Немцы же использовали местных жителей для обнаружения мин. Помню мамин переживания, когда брата и старшую сестру Зою забирали для боронования этой дороги. Однажды мина взорвалась, и Зою сильно ранило, она чудом осталась жива.

Наша семья, как и многие жители деревни, оказывала помощь партизанам. Мама стирала белье, пекла хлеб. Сельский староста неоднократно предупреждал сельчан, что за связь с партизанами наказание одно — расстрел. И вот кто-то донес, что отец наш на фронте, а мать помогает партизанам. Помню, пришел вечером к нам отец сельского старосты и предупредил маму, что семье нашей грозит расправа. В эту же ночь в деревню пришли партизаны, снова забрали нас и еще несколько семей. Запомнилась переправа на лодках через Сож. Переправлялись долго, так как людей было довольно много. Остаток ночи провели в доме, где находился медпункт. Утром на телегах нас повезли дальше. Вновь стали жить в лесу в землянке. Партизаны помогли приобрести корову, и поэтому с пропитанием немного наладилось. Летом спасали дары леса.

Очень страшная картина открылась перед нашими глазами весной 1944 г. после освобождения района. Сож разлился, и к берегу прибило много трупов. Поле было изрыто окопами и траншеями, в которых также лежали человеческие останки. Наши солдаты занимались захоронением павших бойцов, разминированием, убрали разбитую военную технику. Жителям разрешили разбирать окопы, чтобы использовать бревна для строительства домов.

Потихоньку жизнь стала налаживаться. Вернулся отец. Мы с сестрой Лидой переростками пошли в первый класс Михайловской школы. Учебников и тетрадей не было, писать было нечем. Парт не было, дети сидели на скамейках. Вместо доски висел лист ржавого железа, и мы на нем писали. Но учителей своих мы очень любили и уважали, ценили их труд...

(Из воспоминаний Анны Лаврентьевны Мозовко.)

